

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Во власти
СТРАХА

ПОЛИНА РАЕВСКАЯ

Полина Александровна Раевская

Во власти страха

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68003871

SelfPub; 2022

Аннотация

Я ждала его четыре года даже после всего, что он сделал. Странное было чувство. Вы когда-нибудь пробовали покормить озлобленного, бездомного пса? И не просто кинуть ему буханку хлеба, а с руки, протягивая ее на свой страх и риск, не зная, что в следующую минуту тебя ждет. Все четыре года я протягивала раскрытую ладонь с моим уже и без того истерзанным сердцем. Но настал момент истины, а я не уверена, что меня не укусят. Мне страшно...

Содержит нецензурную брань.

Содержание

Глава 1. Приоритеты	4
Глава 2. Грязные раны	21
Глава 3. Тараканы	36
Глава 4. Неосторожность	55
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Полина Раевская

Во власти страха

Глава 1. Приоритеты

Я проснулась очень рано и, совершенно не понимая, что происходит, и почему я в кабинете. А когда повернулась, едва не пришла в ужас, обнаружив, что в постели не одна, хотя кожаный диван вместо простыни и плед на замену одеялу сложно назвать постелью, но в ту минуту меня волновал лишь спящий рядом муж, точнее бывший муж.

За пять лет, прошедших с нашего развода, я до сих пор почему-то считаю его «своим» и в тоже время бесконечно чужим. Как такое возможно? Сама не знаю. Но факт остался фактом, и я чувствовала смущение, словно мы не десять лет знакомы, а всего одну ночь. Мне было не по себе за свое вчерашнее поведение. Набросилась на него, словно изголодавшаяся по мужику баба. Впрочем, я такая и есть, вот только не по мужику, а конкретно по нему. По рукам его нежным и в тоже время грубым, дарящим, как неземное наслаждение, так и адскую боль.

Мне всегда нравились его руки. С юности был пунктик обращать внимание, прежде всего, на них. У Маркуса они красивые и ухоженные, с сеточкой проступающих под смуг-

лой кожей вен, с мелкими шрамами на костяшках пальцев, с идеальным маникюром, что меня немного веселило поначалу. Наверное, сказывался русский менталитет или просто я такая «темная» была. Пальцы моего мужчины из тех, что называют «музыкальные»: длинные, худые, узкие на кончиках, широкие в середине и вновь сужающиеся у основания, из-за чего кольцо, которое он носил на мизинце, было ему великовато, но не спадало. Обручальное же он никогда не надевал, и это было обидно, хотя в череде бесконечных обид уже кажется мелочью.

Я любила его руки, пока не начала бояться и, кажется, до сих пор не искоренила этот страх. Смотрю на них: лежат у меня на талии, а я даже прикоснуться не могу, словно все, что было этой ночью, было не со мной. Вчера эмоции захлестнули, и я на мгновение освободилась от оков, сдерживающих меня на протяжении пяти лет, но сейчас чувствую, как вновь, будто каменею, возвращаясь в свой кокон натянутых улыбок, продуманных слов, осторожности, наблюдательности и подозрительности. Анна Гончарова теперь такая, а то, что было ночью – это лишь отголосок прошлых дней, ностальгия.

Полежав еще немного, собралась с духом и осторожно начала подниматься, стараясь не разбудить Маркуса. За окном еще было темно, поэтому я наощупь стала шарить по полу в поисках трусиков, которые Маркус снял с меня где-то на диване. От воспоминаний в животе сладко оборвалось, я

улыбнулась краешком губ. Однако стоило повернуть голову, улыбка погасла, сердце ухнуло с огромной высоты, и я застыла, встретившись с пристальным взглядом, от которого мурашки побежали по коже.

В полумраке Маркус был похож на героя романа Стокера: короткие, черные волосы после сна были всклокочены и торчали в разные стороны, завиваясь у висков. Несмотря на то, что Маркус был смуглым, кожа его имела нездоровый, сероватый оттенок. Оно и понятно, из тюрьмы здоровыми не возвращаются. Лицо было настолько худым, что черты заострились и казались, будто высеченными из камня. Впалые щеки были покрыты щетиной, придавая лицу разбойничий вид. Но самыми зловещими были глаза: не карие, а черные, дьявольские. Они казались большими за счет худобы и были слегка прищурены в эту минуту.

Маркус настороженно следил за каждым моим движением. Я тяжело сглотнула, очередная попытка улыбнуться провалилась с треском. Меня затопило чувство неловкости, и я прижала плед к груди, стараясь хоть немного прикрыть наготу. Маркус заметил это движение и слегка нахмурился. Я почувствовала себя настоящей дурой, но ничего не смогла с собой поделать. Что-то сковало изнутри и не давало вздохнуть.

– Доброе утро! Ты рано проснулся, – выдавила я из себя. Маркус ничего не ответил, приподнялся и, обхватив меня за талию, притянул к себе, а в следующую секунду я уже оказа-

лась лежащей на боку, спиной к нему.

Сердце заколотилось, как сумасшедшее, когда горячее тело Беркета прижалось ко мне. Все же сказывалось четыре года без мужчины. Мое тело слишком остро реагировало даже на невинное поглаживание.

Откинувшись назад, я прижалась плотнее, чувствуя ягодицами эрекцию Маркуса. Жар разлился по всему телу, между ног стало влажно. Всего лишь одно прикосновение, а я уже готова для моего бывшего мужа.

Надо признать, это пугает, я боюсь его власти надо мной: над моим телом и чувствами. А ведь мне казалось, я научилась противостоять этой зависимости.

«Кажется, надо креститься, дорогуша» – насмешливо отвечает мое тело предательской дрожью на грубоватую ласку, когда Маркус начинает поглаживать мою грудь, слегка сжимая соски.

– Что это сейчас было? – спрашивает он хрипло, целуя мою шею, зная, что схожу от этого с ума.

– В смысле? – непонимающе шепчу, боясь выдать голосом свое состояние. Маркус молчит, продолжая ласкать меня.

Его горячий язык скользит по коже, оставляя влажный след, бедра едва заметно двигаются, создавая трение между нашими телами, и я чувствую, как его большой, твердый член скользит по моим ягодицам, доводя меня до нетерпеливой дрожи этими эротичными движениями. Мне становится жарко, влажно и невыносимо душно.

Хочу его до потери пульса, до ломоты во всем теле. И Беркет, зная это, будет мучить до тех пор, пока я не начну просить, умолять его трахнуть меня.

Да, именно трахнуть. Обычно, такие пытки заканчиваются этим. Маркус умеет довести до состояния неконтролируемой жажды, когда превращаешься в какое-то животное в гоне, подвластное только зову плоти.

Впрочем, с Маркусом иначе нельзя. Он не признает притворства в сексе, требует полной отдачи, снятия привычных масок и амплуа: отключения всего, кроме инстинктов и желаний. Для этого он сделает все, и ему это, как и всегда, удастся. И дело здесь не столько в чувствах к нему, сколько в его умении доставить женщине удовольствие, в его сексуальном поведении.

Уверена, каждая из женщин, побывавшая в его постели, испытывала эту потерю контроля. И меня это злит. Боже, как же меня это злит! Однако, как ни противно мне признавать, меня это в равной степени заводит, вызывает какое-то грязное удовольствие.

Однозначно, я сошла с ума. Рука Маркуса медленно скользит вниз по моему животу, но я еще не настолько расслабилась, поэтому крепко сжимаю бедра. Однако, Беркету совершенно наплевать на мои капризы, он знает, чего я хочу на самом деле, и нагло втискивает руку мне между ног, грубо преодолевая сопротивление, и продвигаясь к заветному местечку.

Прячу лицо в ладонь. Черт, какая же я возбужденная!

Чувствую довольную ухмылку на губах Маркуса, когда он касается ими моей спины, и его пальцы медленно скользят вперед-назад. Я дрожу, словно припадочная. Кровь кипит, разгоняя по телу огонь и опалая к щекам. Мне так стыдно за свою готовность. Хотя, казалось бы, что в этом такого?! Но только не для меня – дурочки, до сих пор не избавившейся от проклятой, девичьей застенчивости.

Между ног очень влажно и, пальцы Маркуса сразу же проникают в меня. Прикусываю губу до ноющей боли, чтобы не застонать, когда он начинает неторопливо ласкать меня, двигая рукой. Другой же касается моего лица, поворачивает к себе и вдруг произносит стальным голосом, не прекращая доводить до экстаза:

– Не делай так больше, мне это не нравится.

– к-Как? – ничего не понимая, стону, прикрыв глаза. Но тут же открываю, услышав грубый ответ.

– Не уходи от мужа по-английски, словно шлюха.

Что сказать? Беркет, кажется, входит в привычную роль хозяина.

– Ты мне не муж. Мы в разводе по твоей милости, если забыл! – напоминаю язвительно, задетая его тоном. Но тут же сообразив, что сказала, когда он вдруг замирает позади меня, тоже замираю, скованная неловкостью и сожалением. Мне становится не по себе.

Я не хотела давить на больное или чем-то попрекать Мар-

куса, просто как -то вырвалось само и, теперь я не знала, чем исправить свою оплошность. Хотела повернуться, чтобы извиниться, но Маркус не позволил, хмыкнул только и, осторожно вытащив из меня пальцы, сам перевернул на спину и навис сверху, прожигая странным взглядом. Я не смогла ничего сказать, просто смотрела на него, закусив губу и дрожа, сама не понимая отчего. То ли от возбуждения, то ли от холода, то ли от страха. Беркет погладил меня по щеке.

– Марку...

– Ш-ш, – прижал он к моим губам большой палец и медленно провел им, погружая в рот.

Я смотрела заворожено в его глаза и, сложив губы трубочкой, начала посасывать фалангу. Маркус напряженно следил за тем, как его палец исчезал у меня во рту, затем вновь выскальзывал наружу.

Провожу языком по солоноватой подушечке и, прикрыв глаза, наслаждаюсь игрой, но Маркус вдруг резко вытаскивает палец. Его руки ложатся по бокам от моего тела, он нагибается, опускает голову к моей груди и начинает целовать, мне же остается только любоваться его мускулистой спиной. Легонько касаюсь напряженных мышц, глажу, исследую.

Боже, как же я соскучилась по его телу! С ума схожу, пульс зашкаливает, отбивая любимое имя. Извиваюсь в его руках, ощущая горячий язык, играющий с моим соском. Маркус обхватывает его губами и начинает посасывать. В животе сладко обрывается.

– Марусь... – произношу его имя просто, чтобы ухватиться за что-то в этом мире.

– М-м? – слышу в ответ и качаю головой.

Беркет не отрывается, продолжая ласкать грудь. Кусая, целуя, посасывая. Постепенно спускается ниже. По венам течет удовольствие и желание. Я тону в его руках, таких нежных сейчас, таких горячих, родных.

Его губы прокладывают дорожку все ниже и ниже. При- тягиваю колени к груди, стараясь помешать ему. Эти ласки такие откровенные... У меня не получается преодолеть свою стеснительность. Слишком много времени прошло, слишком много всего было – все слишком и это тоже для меня слишком, но разве Маркус когда-то слышал меня?

Смотрит... нет, трахает меня своим взглядом, и я таю, словно мороженное на жарком солнце. А он тем временем обхватывает ладонями мои колени и начинает чувственно касаться губами, не прерывая зрительного контакта.

– Маркус... – хочу возразить, когда он пытается развести мои бедра.

– Расслабься, – шепчет хрипло. Тяжело сглатываю, ноги дрожат, кожа горит огнем там, где касаются его пальцы. Горячие губы обжигают и, я сдаюсь этому непроницаемому взгляду, проваливаясь, теряясь в его дьявольской глубине. Маркус, понимая это, немного разводит мои бедра и начинает покрывать их поцелуями, медленно так, со вкусом, наслаждаясь каждой секундой, спускаясь все ниже и ниже. Я же

дышу через раз, слишком возбужденная, влажная, ждущая его, готовая для него.

– Я и забыл, как ты красива – произносит он, поглаживая мои ноги, тут же целуя то место, которого касается. Я улыбаюсь, а на душе почему-то горько. Хочется возразить, но не смею, ибо его взгляд следит за мной внимательно и предупреждает: «шаг в сторону – расстрел». Молчу, не дышу. А в голове образы женщин, побывавших в его постели со времени нашей свадьбы.

Я помню каждую. Красивые, боже до чего же они красивые!

«А им ты тоже шептал, что они красивы?» – мысленно спрашиваю, глядя на его затылок между моих ног и задыхаясь от ревности, от обиды, разрывающей на куски.

Четыре – счет его изменам, и каждая на моих глазах. Он не стыдился и не заморачивался. Четыре предательства, словно яд, медленно убивающий меня до сих пор. Боль огнем разносится в груди, слезы накатывают, не могу их сдержать. Маркус ласкает меня, языком обводит самую чувствительную частичку моего тела, а я задыхаюсь от рыданий. Зажмуриваю глаза, а влага медленно стекает по щекам. Дрожу, чувствуя его поцелуи, как нежно его язык погружается в меня, вырывая стон и всхлип. Сил нет сдерживаться. Больно и сладко, слишком хорошо и невыносимо плохо. Хочу его в себе, себе, только себе одной, сейчас и навсегда. Губы посасывают, целуют, язык двигается быстрее, я же взлетаю выше и выше,

мои стоны все громче и громче, а слезы жгут глаза, разъедают душу.

Господи, зачем я это делаю? Зачем тереблю себе душу? Я ведь простила!

Простила, но не забыла и не забуду никогда. Как обрести покой, как обрести уверенность? Рядом с ним я чувствую себя размытым пятном. Что-то сковывает и хочется исчезнуть, забиться в дальний угол и не дышать.

– Малышка, в чем дело? – слышу его голос сквозь призму боли и наслаждения.

Малышка...

Мило, ласково. Мне раньше нравилось, а сейчас, словно характеризует меня. Маленькая, несамостоятельная, ничемная. Чувствую ладони на щеках, открываю глаза и встречаюсь с обеспокоенным взглядом.

– Тебе не нравится?

Молчу и плачу. В горле ком. Не знаю, что сказать. Хочу спросить о них, но не могу, не смею. Все равно не ответит. Качаю головой. Маркус наклоняется и покрывает мои щеки горячими поцелуями, собирая губами слезы.

– Эни, я соскучился, я так по тебе соскучился... – тихонько нашептывает он, не прекращая целовать. Его рука продолжает поглаживать мою щеку, другую руку он опускает под плед и помогает себе, проникая в меня, я прикусываю губу от острого ощущения наполненности. Маркус замирает на мгновение, позволяя привыкнуть к нему. Как только

я расслабляюсь, начинает плавно двигаться во мне. Закрываю глаза, отдаваясь нарастающим ощущениям. Вес его тела приятно давит, мне тяжело дышать, но это приятная тяжесть. Его учащенное дыхание обжигает шею, а сдержанные стоны заставляют сердце сжиматься от сладкой боли. Его бедра работают с каждой секундой все быстрее и быстрее, руки до боли впиваются в мои бедра, разводя их шире. Связки тянет с непривычки, но я игнорирую, двигаюсь ему навстречу, ударяясь головой о спинку дивана. Пытаюсь зарыться пальцами в его волосы, но чувствую лишь жесткий «ежик».

– Шире! Раздвинь ноги шире, – шепчет он лихорадочно, резко входя в меня, заставляя протяжно стонать.

Я пытаюсь сделать, что он просит, но спинка дивана мешает, закидываю ногу на нее и вскрикиваю от странного чувства, когда он погружается в меня, задев какую-то особо чувствительную точку, от чего между ног становится еще жарче, мокрее.

– Умничка, какая горячая, мокрая девочка, – бормочет он, зарываясь лицом в мои волосы, постанывая, – Давай, малышка, кончай.

Мне становится нестерпимо жарко, темп бешенный, задыхаюсь. Влажная кожа скользит по дивану, натирая спину. Кусаю шею Беркета, сдерживая крик, когда он в очередной раз входит в меня грубо, жестко.

– Маркус... Не могу больше...

– Тише, малыш, разбудишь сына, – просит он, закрывая

мне рот поцелуем и словно назло за дверью раздается громкое:

– Мам!

Мы замираем, я разочарованно закрываю глаза, Маркус улыбается мне в губы и, толкнувшись еще раз, громко произносит, приводя меня в замешательство:

– Иди к себе, Мэтт, мама позже придет.

– Но...

– Никаких «но», к себе дуй! – тон Маркуса становится жестче.

Слышу шлепанье босых ступней сына по паркету. В душе тут же поднимается волна возмущения, а меж тем Маркус продолжает движения во мне, что окончательно выводит меня из себя.

– Ты совсем?! – цежу я сквозь зубы, упираясь руками в мускулистую грудь. Маркус замирает и недоуменно смотрит на меня.

– В чем проблема? – звучит встречный вопрос, и вновь движение бедрами. Мое тело откликнулось, но разум бунтовал.

Моему ребенку что-то возможно нужно, а я тут занимаюсь сексом с мужчиной, который меня ни в грош не ставил. Думаю, мой выбор очевиден.

– Маркус, прекрати, пожалуйста, – все еще пытаюсь быть вежливой, но тут слышу раздраженный вздох.

– С какой стати?

– Что? Ты в себе вообще? Ребенок проснулся, – моя очередь недоуменно смотреть, но дальнейшее шокирует меня еще больше и приводит в ярость.

– Ань, заканчивай нести херню! – психнув, Беркет встает, плед сползает на пол, но Маркуса это нисколько не смущает.

Голый, возбужденный, он поднимает с пола штаны и, натянув их, поворачивается ко мне. Я, ухватившись за угол пледа, подтягиваю его к груди. По взгляду, становится понятно, что Беркета моя скромность бесит. Он закатывает глаза:

– Ребенок бя... – язвит он и, повысив голос, отчего у меня сердце обрывается в ужасе, продолжает. – Давай, потакай ему во всем. Как думаешь, что делают нормальные дети, услышав, что родители трахаются?

Я смотрю на него во все глаза. Он сейчас серьезно или это прикол такой? Мы действительно это обсуждаем? Но весь его вид говорит, что так и есть.

– Ну, и что же делают «нормальные» дети, когда их «родители трахаются»? – язвлю я. И забыв от злости о всяком смущении, откидываю плед и сажусь на диване, оглядываясь в поисках халата.

– Они стараются быть незаметными в этот момент, Эни. Им неловко, а наш находит в себе смелость еще и позвать тебя.

– Наверное, потому что ему что-то нужно, ты не задумывался? – уточняю саркастически, меня колотит от бешенства

и презрения.

Чертов эгоистичный ублюдок! Каким был, таким и остался.

Маркус, засмеявшись, качает головой и так же иронично отвечает:

– Представь себе, задумался. И знаешь, что надумал?

Я приподняла бровь, как бы говоря: «ну, давай, удиви меня!» И ведь удивил, сволочь.

– Вспомнил себя в подобной ситуации. Как-то мать додумалась притащить в наш дом своего хахалю. В тот день меня отпустили раньше со школы. И вот прихожу я и слышу охи – вздохи. Мне тоже лет семь было, кажется... Естественно, я уже знал, что это все значит. Но понимаешь ли в чем суть, я привык быть единственным мужчиной, которому мать уделяет свое внимание, и никаких изменений этого положения вещей мне не надо было. Поэтому я решил не откладывать в долгий ящик миссию по избавлению от совершенно ненужного объекта и дал понять, что сладкая парочка дома не одна. Конечно же, через пять минут в доме никого не было, а мать пыталась объяснить мне, что это ее друг, и они там просто разговаривали. Мне было плевать, чем они там занимались, главное, чтобы его больше рядом с моей матерью не было.

– Это нормально, Маркус. Чужой мужчина рядом с матерью всегда вызывает ревность со стороны ребенка, – деловито ответила я, поднимаясь с дивана. – Но ты – его отец, и это совершенно другая ситуация.

Маркус усмехнулся и возразил:

– Абсолютно никакой разницы. Меня не было четыре года, и он привык, что ты в его полном распоряжении, он не приучен делить твое внимание. И поверь, ему насрать отец я или же дядя с улицы. Но! Это было первый и последний раз, когда он устанавливал свои правила! И я тебе не советую портить мне сына и делать из него «маменькиного сынка». Он должен знать свое место!

После этих слов Маркус повернулся ко мне спиной и надел футболку, я же прибывала в таком состоянии, какое сложно описать. С одной стороны, понимала, что в некотором роде Беркет прав, но с другой – мне хотелось, чтобы и он знал свое место. Злость не оставляла в покое, а уж материнские чувства и вовсе душили. Мне было обидно за сына, поэтому, преодолевая сомнения и голос разума, я тихо сообщила:

– Я хочу, чтобы и ты запомнил, на будущее....

Маркус обернулся и посмотрел на меня в упор, отчего мне стало тяжело говорить, но я продолжила:

– Сын занимает в моей жизни самое главное, первое место! Сначала ОН, а потом уже все остальные! Надеюсь, это ясно?

Маркус хмыкнул, обхватил пальцами и потер переносицу.

– Не думал, что ты об этом заявишь.

– Мне приходится, раз ты не понимаешь.

– Я, как раз таки, прекрасно понимаю, не понимаешь суть

проблемы лишь ты! – процедил он сквозь зубы таким тоном, что у меня мороз по коже побежал.

– И в чем же суть? – выдавила я из себя.

– В том, что есть формат отношений мать – сын, а есть муж – жена, и они не пересекаются, и не конкурируют! – повысил он голос. – Уясни это, а сыном я сам займусь и не смей лезть. Надеюсь, это ясно?! – язвительно закончил он.

– Не разговаривай со мной в таком тоне, иначе...

– Не ставь мне условий, Анна, я этого не потерплю! – едва сдерживаясь, перебил он меня. Я же судорожно вцепилась в диван. Сердце колотилось, как сумасшедшее. Я четыре года училась самоуважению, самостоятельности. Четыре года потратила, чтобы обрести себя, чтобы уважать себя, быть личностью, принимать решения, отвечать за себя, отстаивать свое мнение и бороться за свои права. Но сейчас, стоило только услышать в его голосе гневные интонации, увидеть, как побледнело от ярости его лицо, сразу сработал условный рефлекс, как у собаки Павлова. Хотя я бы назвала это «рефлекс жены Беркета»: язык словно онемел, меня, будто парализовало и, я не могла и слово выдавить. Все внутри бунтовало против этой боязливой покорности, против страха и паники. Внутренний голос кричал, надрывался: «Давай, скажи ему! Покажи, что ты уже другая, заставь его уступить! Сделай это, иначе он вновь подомнет тебя под себя!». Я понимала, что должна сейчас отстаивать свою позицию, иначе диктат вступит в силу. Но у меня не было сил, я

не была готова к этой стычке. Все, что я могла возразить – только разочарованно прошептать:

– Я думала, ты изменился.

– Мать твою! – вспыхнул он, заставляя меня замереть испуганным тушканчиком. – И что теперь я должен одобрять глупости и плясать под твою дудку, чтобы казаться хорошеньким? Извини, но этого не будет, – отчеканил он и вышел из кабинета. Дверь громко хлопнула за ним, отчего я вздрогнула и поежилась. Слезы обиды подступили к глазам, но я их, тут же, смахнула. Господи, и что дальше?

Глава 2. Грязные раны

Я старалась быть объективной, но у меня не получалось. Всплывало прошлое, и я горела навязчивой идеей доказать, что теперь все будет по-другому, да только, как выяснилось, это не так-то просто. Да, Маркус раскаивался за свои прошлые поступки. За эти четыре года мы стали ближе, но, как оказалось, это еще не значит, что в нашей семье будет другой порядок.

Но, черт побери, разве я так много прошу? С каких пор желание быть услышанным – это роскошь? Я даже не говорю о равноправии. В конце концов, надо быть реалисткой и понимать, что за человек рядом с тобой. Но мне важно, чтобы он прислушивался ко мне. Я хочу уважения с его стороны, потому что, если он будет и дальше продолжать в том же духе, то скоро такое же отношение ко мне последует со стороны сына. Дети это быстро подхватывают, дурной пример заразителен. Подтверждение этой истины я получила сразу же, как только спустилась в гостиную после душа. Маркус и Мэтт сидели перед ноутбуком и что-то бурно обсуждали. Поймав взгляд сына, я улыбнулась ему. И каково же было мое удивление, когда в ответ он нахмурился, демонстративно отвернулся и продолжил разговор с отцом.

Я была в ступоре, слишком задетая этим пренебрежением и игнором.

Отлично! Значит, папе, как всегда можно ВСЕ, а мама отдувайся за двоих?!

Ничего не говоря, вышла из гостиной и пошла на кухню, готовить завтрак. Прислуги у меня не было. После всего произошедшего я не хотела никого рядом с собой. Слишком напрягали жалостливые взгляды и шепот за спиной. Может, я мнительна, но мне до сих пор кажется, что стоит кому-то узнать во мне бывшую жену Беркета, так сразу же начнется обсуждения его зверств и моего унижения. В конце всей этой трепотни сплетники обычно приходили к одному и тому же выводу: «Вот, что делают деньги! Страх совсем потеряли эти богатые ублюдки. Хотя она тоже хороша, это ж надо так вцепиться в кошелек мужика, что и на собственную жизнь плевать. Таких алчных идиотов надо еще поискать».

Услышав однажды такие речи, я была на несколько недель выбита из колеи. Как же могут люди все перевернуть с ног на голову. И, черт возьми, это так больно, хотя в тот момент меня душил истерический смех.

Денег? Я хотела денег?! Такое я даже помыслить не могла. Надо быть на голову двинутой, чтобы терпеть ради то, что творил Маркус ради материальной выгоды.

Интересно, во сколько можно оценить ситуацию, когда ты обсуждаешь с поваром меню на день рождения сына, как вдруг является пьяный муж, воняя за километр очередной шлюхой. Подходит и, не стесняясь никого, начинает лапать, даже не смыв с себя удушливую вонь. А я, конечно же, дер-

жусь за его банковский счет, который, как ни прискорбно, мне не видать, как своих ушей. Но я же такая хитрая, изворотливая, верю, что урву свой кусочек. Подсчитываю, сколько мне обломится за очередной спектакль, а посему не устраиваю сцен. Хотя на самом деле боюсь его до ужаса и слишком устала, чтобы реагировать на очередное свинство. Только вот забываю, что ему не покорность моя нужна, а повод, чтобы в очередной раз унижить. Поводом же может стать даже спокойствие. Поэтому он отстраняется, садится на стул и, молча, ждет, когда я закончу разговор. Я же тяну время, боясь оставаться наедине с чудовищем.

Когда он пьян, ничего хорошего меня не ждет. Нервно таторю, пока в столовой не раздастся его голос, повергающий меня в шок.

– Хорош трепаться, займи свой рот чем-нибудь действительно полезным.

Помню, я замолчала, не зная, куда деться от этого унижения, наш повар тоже отвел взгляд. Намек был недвусмысленным. Столько пренебрежения и презрения было в голосе моего мужа. В тот момент мне хотелось убить его или умереть самой. Одно дело, когда он унижает меня за закрытыми дверями, другое – на людях. Это невыносимо, в душе все переворачивалось от боли.

Мне казалось, еще чуть-чуть, и я действительно просто встану ночью, и убью эту скотину. Меня мутило от мрази, в которую он превратился.

Я сверлила его взглядом полным ненависти, но кроме довольной ухмылки ничего не заметила на его лице. Смотреть в глаза нашему повару просто не смела. Я знала, что этот случай быстро разлетится среди прислуги, так что уже на утро меня ждет очередной ад из сплетен и покровительственного отношения со стороны всех обитателей дома.

Боже, как же хотелось вскрыться! На тот момент мысли о суициде ни раз посещали меня, как и идеи сбежать с сыном. Я часто думала о такой возможности, но хорошенько все взвесив, приходила к тому, что меня найдут еще до того, как выведу его из страны. А что будет после, лучше вообще было не представлять. У Маркуса крыша ехала по – полной, поэтому я ожидала чего угодно. Хотя даже тогда мне и в голову не приходило, что наш с ним ад закончится самым натуральным зверством.

Сейчас я бы все сделала иначе. Обратилась бы в социальные службы, да на каждом углу бы орала о том, что он – конченный ублюдок, только бы мне помогли оставить сына себе. А тогда я была настолько запугана, что дышать боялась, не то, что обратиться куда-то.

У нас – жертв домашнего насилия, у всех без исключения, одна и та же модель поведения, продиктованная диким страхом. Мы боимся своего мучителя, но еще больше страшимся того, что кто-то узнает о нашем унижении. Какой-то необъяснимый стыд, словно в этом кошмаре только наша вина.

Стокгольмский синдром очень быстро берет в плен пси-

хику, и ты сама не понимая, как начинаешь винить лишь себя, выгораживая и жалея обидчика. В большинстве случаев подобное смирение с ситуацией заканчивается либо сильным увечьем жертвы, либо убийством мучителя. Но в любом случае страдаешь ты, потому что не нашла в себе силы победить страх.

Страх... Боже, как же я боялась Маркуса! До дрожи во всем теле. Он выдрессировал меня, как скотину, я шарахалась от одного взмаха его руки. В какой-то момент я даже научилась по шагам определять его настроение, по ритму его дыхания и за это ненавидела себя, за этот страх обезумевшего животного. Именно он не давал мыслить здраво. Хотя разве это возможно в подобной ситуации? Как больной человек может мыслить здраво? А я больна и признаю это сейчас. Психически больна.

Кто-то скажет, что просто привыкла быть жертвой и поэтому ищу себе оправдание. Бога ради, дорога на хрен – всегда без пробок! Но факт остается фактом – я психологически изуродована. И понимание этого пришло именно в тот вечер, после моего первого, так называемого, публичного унижения.

Когда наш повар вышел, что-то щелкнуло внутри. Настолько я устала от этой грязи, от этого положения бесправной куклы. Знаете, как бывает, терпишь-терпишь, а потом бах, и все краны сорвало.

Не успела дверь закрыться, я, забыв о страхе, о том, что

напротив сидит конченный отморозок, жестокости которого нет предела, что мне дорого обойдется всплеск жалкой гордости и собственного достоинства, я взорвалась.

– Доволен, скотина? – заорала я, а слезы боли, ненависти, обиды и презрения потекли по щекам. – Или все никак не угомонишься, мудака?

– Заткни рот! Открывать будешь, когда я штаны спущу, поняла? Осмелела что ли? – все это он выдал ровным голосом, будто такие разговоры в порядке вещей, хотя на тот момент они уже стали нормой и все же...

У меня не было слов, я просто задохнулась, истерика накатывала, как снежная лавина. Я плакала и не могла успокоиться. Мне было уже наплевать, что он со мной сделает, не говоря уж о том, что я выгляжу жалко, показывая ему свои чувства, захлебываясь ими. Я все еще не могу поверить, что он – настолько чудовище, что ему ни капельки не жаль.

Смотрит так, словно перед ним нудное кино идет, а меня это просто доводит до помешательства. Зажимаю рот рукой, пытаюсь прекратить истерику и, решаю, что больше нет сил, что прямо сейчас соберу свои вещи и уйду.

Разворачиваюсь и направляюсь к выходу, твердя, как мантру: «с меня хватит!»

– Куда это ты собралась? – насмешливо поинтересовался меж тем Беркет.

«Пошел ты, урод!» – огрызаюсь мысленно, не хочу даже отвечать этому ублюдку. Противно, тошнит от него.

Вихрем врываюсь в спальню, лечу к гардеробной, достаю чемодан и начинаю лихорадочно скидывать туда первую попавшуюся одежду. Перед глазами туман, сердце отбивает четку, боль оглушает. Все на автомате, на одном дыхании. Сквозь эту какофонию слышу издевательский комментарий.

– Какой интересный поворот. Что-то новенькое, ты меня удивляешь.

– Заткнись! Хватит! Ненавижу тебя, мразь, ненавижу, ненавижу, ненави... – кричу истошно, но звонкая пощечина останавливает поток брани, да только на миг. Хохочу сквозь слезы и плюю в побледневшую рожу кровью. – Не больно, сука, совсем НЕ БОЛЬНО! Давай, ударь еще, давай, скотина поганая!

Я ору, задыхаясь от смеха и икая от рыданий. Маркус же медленно стирает с лица мои слюни, молчит, но сжатые в тонкую полоску губы выдают его ярость. Только мне уже все равно, пусть хоть убивает. Не могу больше. Однако, нынче вечер едких замечаний.

– А что, так понравилось? – иронично спрашивает Беркет в ответ на мои выкрики. – Хотя можешь не отвечать, я и так знаю, что нравится.

– Ты жалок, отвратителен, мерзок! Меня тошнит от тебя. Всей душой тебя презираю, каждую минуту молюсь, чтоб ты сдох, козлина...

Его рука хватает меня за горло, сдавливает. В глазах темнеет и, слава Богу, потому что видеть перекошенное лицо –

смерти подобно. Этот его горящий, словно у психа, взгляд отрезвляет, возвращает меня в мою кошмарную реальность. Все эмоции смываются волной адреналина и, по крови бешеным потоком разносится мой вечный спутник – страх.

Маркус давит так, что я начинаю хрипеть, впиваюсь ногтями в холеные руки, царапаю, надрывно кашляю и дергаюсь изо всех сил. Вдыхаю запах моего унижения: виски, приторный парфюм какой-то бл*ди, сигаретный дым, и задыхаюсь. Горячее дыхание обжигает лицо, а вкрадчивый шепот доводит до бесконтрольного ужаса.

– Знаешь, как сильно желание свернуть тебе шею?! Ты не представляешь... Я в шаге от греха, Анна. Каждый раз, как вижу тебя, так на части рвет. Тебе не больно, говоришь? Ну-ну... Ложь, п*здеж и провокация. Но, если тебе нравится меня провоцировать, ты получишь то, чего добиваешься. Будет больно, дорогая. Тебе ведь нравится, когда больно?

Его рука ослабила хватку, я глотала жадно воздух, давась им, кашляя, растирая кожу на шее. Глаза горели огнем от слез, а боль через край лилась из меня.

– Ты – псих! – выдавливаю из себя и начинаю отходить. Он же надвигается на меня с жуткой улыбкой.

– Нет, это ты – двинутая. Разве нормальная баба заводится от боли?

Я испуганно уставилась на него, бледнея, а он довольно усмехнулся.

– Думаешь, я не замечаю, как ты течешь подо мной, стоит

только начать драть тебя, как суку?

Прячу глаза, мотаю головой, а слезы стыда и унижения текут по щекам. Именно в этот момент понимаю, что он прав. Я не знаю, когда это случилось, но боль стала граничить с удовольствием. Слишком много насилия, унижения, страха. Это ломает, уродует настолько, что ты уже не понимаешь, что есть хорошо, а что – плохо. Не понимаешь, где ты, а где возвращенное на подчинении существо. Существо, пытающееся выжить в аду любыми путями. Умеющее терпеть, умеющее молчать, выполнять все, что скажут. Умеющее даже получать грязное удовольствие от боли и возбуждающееся от нее. Но в тот вечер оно было не в силах остановить меня, ту меня, которая еще сохранила хоть какое-то самоуважение. Однако, при этом злорадно посмеивалось: вот, дескать, молодец, показала себя и чего добилась? А если бы слушала голос своей изворотливой сущности, отделалась бы малой кровью. Но меня эти мысли доводили лишь до очередной истерики пониманием, что я схожу с ума, что я сломана и больше никогда не стану прежней, что я больна, душевно больна.

– Пожалуйста, оставь меня... – рыдая, умоляя, когда Маркус прижимается ко мне, и я чувствую его вставший на мои слезы член.

Извращенец чертов! Его заводит моя боль, он ловит кайф от нее. Если бы можно было, он бы вместо еды ей питался, а моими слезами запивал. Поэтому ему плевать на униженные просьбы. Горячие руки забираются под домашнее платье и

сжимают ягодицы. Я дергаюсь, пытаюсь высвободиться, хотя понимаю, что все равно проиграю и все же в последней попытке, произношу:

– Я не хочу!

– Захочешь, – обещает он мне, а после добавляет похабно. – А не захочешь, заставлю, так тебе ведь еще больше по вкусу?!

Маркус мнет мою задницу, а меня наизнанку выворачивает. Со всей силы бью его по лицу, так, что в руке отдает болью. Мы замираем, смотрю в ужасе на красный отпечаток своей ладони на его щеке и понимаю, что мне конец. Но Беркет вдруг сквозь зубы цедит:

– Пошла вон отсюда! Быстро, шевели ногами, пока я не убил тебя прямо здесь, сука!

Я сглатываю, дрожу, как собачонка. Делаю неуверенный шаг, не отрывая боязливого взгляда от едва сдерживающего ярость мужа, а потом пружина какая-то словно лопается, и я срываюсь с места, бегу, но, не сделав и пары шагов, чувствую дикую боль в затылке. Сильная рука тянет меня за волосы назад. Крик срывается с губ, замираю, чтобы уменьшить болезненные ощущения, а сердце, обезумев, птицей трепещет в груди, меня колотит, слезы льют по щекам. Паника растет и растет, заставляя едва ли не выть от ужаса.

– Эни, Эни..., – добродушно цокает чудовище, не выпуская моих волос из цепких пальцев. Он медленно обходит меня кругом и смотрит в зареванные глаза. Нежно стирает сле-

зинку, катящуюся по щеке и наигранно вздыхая, произносит. – Какая же ты у меня дурочка, малышка.

У меня сердце в пятки уходит от мягких ноток в его голосе. Этих игр в доброго дядюшку Маркуса я боялась больше всего на свете, потому что в эти моменты он бывал просто безумен, творил такие мерзкие вещи, что после собрать себя было мне едва под силу.

Вот и тогда чувствовала себя ягненком, идущим на закланье, а Беркет все издевался, упиваясь моим страхом.

– Ты же не думала, что я тебе это просто так с рук спущу? – шептал он, оттягивая мою голову назад.

«Не знаю, я уже ничего не думаю!» – хотелось крикнуть ему, но я была парализована ужасом и пыталась подготовить себя к чему-то страшному, да только не получалось. Мне так страшно было, что наплевав на гордость и достоинство, я схватила его свободную руку и лихорадочно затараторила:

– Я... я... Прости, пожалуйста, прости меня!

Плечи сотрясают рыдания, и ненавижу себя за это все, я сама себе омерзительна, особенно, когда вижу, как Беркет морщится, словно проглотил какую-то гадость.

Выпустив мои волосы, он отталкивает меня и поворачивается спиной, дышит рвано и начинает мерить шагами комнату, обхватив переносицу двумя пальцами. А меня ноги не держат. Опускаюсь на пол, утыкаюсь в колени и не дышу. Голова болит от слез и пощечины. Меня колотит, как припадочную, комкаю подол платья дрожащими руками, слежу за

мельканием кед от Gussì.

Вот они останавливаются около меня, Маркус приседает на корточки, а я застываю, словно истукан, закрываю глаза, а потом... потом... Чувствую его руки на плечах, осторожно поднимаю веки и вижу что-то такое, отчего подкатывает очередная порция слез. Сожаление, раскаянье, словно прозрение какое-то, с его стороны. Резкое движение, и вот я уже, уткнувшись ему в грудь, захлебываюсь истерикой.

Боже, какое же это надругательство над психикой! Эти перемены его настроения методично делали меня истеричкой.

– Я ненавижу тебя, Маркус! Я действительно тебя не выношу, понимаешь?

– Это взаимно, – было мне ответом.

Беркет гладил меня по волосам, но я знала, что скоро очнется и, эта вспышка подобия нежности растворится, утонет в моих слезах и крови. Поэтому пользуясь моментом, свернула клубочком в неожиданных объятиях и просто пришла в себя.

Пустота разрывала изнутри, ничего не осталось: ни злости, ни обиды, ни страха. Только усталость и безразличие. Говорить было трудно, да и что сказать?

Понимали ли я своего мужа? Нет. Прощала ли? Разве это возможно? Любила ли? Не знаю, ничего уже я не знала, не понимала и не хотела. Казалось, я подошла к той черте, когда становится все равно. Хотелось махнуть рукой и просто плыть по этому бурному, опасному течению, пока не разо-

бьюсь однажды о скалы.

Я дышала со своим мучителем в унисон и мысленно просила лишь об одном: «Делай, что хочешь: презирай, изменяй, ненавидь, только не трогай меня. Живи своей жизнью, а я – своей.»

– Больно? – спросил он, дотронувшись до губы, а меня, словно хлыстом ударило. Что за издевательство?

– О, прекрати, меня сейчас стошнит! – простонала я, вырываясь из объятий, не в силах ответить иначе.

– Заткнись! Ты такая бестолковая. Неужели не понимаешь, что пора уже научиться вовремя закрывать свой рот? «Или тебе так нравится выводить меня из себя?» – устало произнес он и, преодолевая мое сопротивление, снова притянул к себе.

– А ты считаешь это нормальным? Как ты вообще себя после всего мужчиной называешь? – выдаю на одном дыхании сквозь страх, но Маркус, как ни странно, спокоен, смотрит на меня задумчиво, а потом тихо признается, повергая в шок.

– Я после твоего бл*дства ни то, что себя мужиком не чувствую, я себя перестал ощущать человеком.

Я молчу. Убеждать, что все ложь, нет сил. В горле стоит горечь. Я ведь тоже больше не та, что раньше.

Кто я? – задаю себе вопрос, который стал моим наваждением. Каждый день я спрашиваю себя, глядя в зеркало: «кто я, кто он, кто мы?»

– Маркус, что ты делаешь с нами?! – мысли вслух, но мне не страшно было, что я их озвучила.

– «Нас» давно уже нет, Анна, – произнес он с едва заметной ноткой горечи, я кивнула согласно и улыбнулась, точнее – оскалилась сквозь слезы, прижавшись к нему впервые за полгода без страха. Хотя, наверное, я просто привыкла к нему настолько, что не замечала.

Я нежно касалась его холодной руки, которая наверняка оставила очередной след на моем лице, сплетала наши пальцы и не дышла, закрыв глаза. Это было какое-то наваждение. Маркус, казалось, тоже затаил дыхание, а я наслаждалась тишиной внутри себя. Это не было прощением или перемирием, это была просто передышка.

Подняв голову, я смотрела Беркету в глаза, сама не зная, зачем. Я ничего не искала в этом пустом взгляде, я не хотела его понимать и не понимала, я не уважала и не любила больше. Разве что только мужчину, которого больше не было. Мужчину, от которого осталась лишь оболочка такая же, как и я.

Два сломанных человека замерли в ту минуту, соединенные отголоском былого, которое они сами изуродовали ненавистью друг к другу. И ничего не осталось, кроме сожаления о том, что мы методично убивали день за днем.

Впрочем, любовь была только с моей стороны. Я тогда в этом окончательно убедилась. Ведь, если бы он любил, то никогда бы не позволил себе те вещи, что он позволял. А все

эти «бьет – значит любит» – дурость.

Маркус Беркет любил только себя и, если ему делали больно, он делал в сотни раз больше.

А ведь я ему всю себя до последней капельки крови, до последнего вдоха... Почему же он так и не понял, что я в своей жизни никого так не любила, как его?

Почему? За что? – бесконечно, до одури терзать крестик на шее, только в ответ мне очередное унижение.

И вот думаешь, разве я многого просила у этой жизни? Разве я просила денег, славы, красивой жизни? Все, к чему я стремилась, чего желала и мечтала – это взаимность. За любовь Маркуса я готова была душу продать. И вот, пожалуйста, какая-то извращенная шутка судьбы. Каждый день вспоминаю долгожданное признание, сопровождаемое пощечиной.

«За то, что я любил тебя, сука!» – мистер Беркет, как всегда, оригинален. А Анька дождалась своего «люблю».

Глава 3. Тараканы

– О чем думаешь?

Я вздрогнула, низкий голос вернул меня в настоящее, хотя эмоции по-прежнему держали в плену. Отведя взгляд, я начала торопливо переставлять предметы, стоящие на столе, понимая, что выдаю себя с головой. Откинув ложку, потеряла лоб и посмотрела на Маркуса.

Он застыл в дверном проеме, прислонившись к косяку. Поза была расслабленной, но напряженный взгляд говорил о беспокойстве.

– Сейчас приготовлю завтрак, – проигнорировав вопрос, стала я суесться, ломая голову над извечным, женским «что приготовить?».

– В чем дело, Эни?

Я тяжело вздохнула, начала доставать все, что нужно для блинчиков. Говорить о своем путешествии в прошлое не хотелось. Зачем вообще об этом говорить? Время разговоров давно прошло, пришла пора действий.

Не хочу спешить с выводами, но начало нашей совместной жизни пока только испортило мои отношения с сыном и, если так пойдет дальше, то мне такое «счастье» не очень-то нужно.

Я все понимаю, не глупая. Мэтт ревнует, но он имеет на это полное право, и я не позволю травмировать психику ре-

бенка, будь хоть тысячу раз прав его отец.

Размышляя обо всем этом, на автомате завела смесь на блины, Маркус так и стоял в дверях, следя за моими действиями. Вид у него был грозный. Я искоса поглядывала на него, ловя недовольный взгляд.

Что сказать? Восхитительно! Еще и суток не прошло, а между нами уже воздух звенит от напряжения. Сомнения вновь терзают душу.

На протяжении четырех лет я только и делала, что думала, как поступить: остаться с Маркусом или же одной? И делая выбор, я должна была думать, прежде всего, о сыне. У меня не было права на ошибку, я не могла позволить себе сделать шаг навстречу, а потом дать задний ход. Все должно было быть четко-определенным и никаких «давай попробуем, может, что и получится».

У нас ребенок, который по нашей вине перенес психологическую травму, поэтому я должна была все решить сразу; либо наша жизнь с сыном остается без изменений, за тем лишь исключением, что иногда он будет встречаться со своим отцом, либо мы учимся жить все вместе. Поэтому я не гоню лошадей, давая своим страхам завладеть мною. Нужно время.

Естественно, на первых порах всегда сложно. Неловкость неизбежна. В переписках легко быть откровенным, но тет-а-тет все совсем иначе.

Я опять задумалась, а потому, когда сильные руки обняли

меня за талию, подскочила, ударив затылком по лицу Маркуса.

– Черт! – застонал он.

– Прости, пожалуйста, я задумалась и не увидела, как ты подошел. – протараторила я и обернулась. – Все в порядке? – шепнула, дотронувшись до сломанного еще в тюрьме носа.

Маркус улыбнулся и кивнул.

– Вправить тебе его не удалось, – заметил шутливо. Мы улыбнулись, и меня отпустило. Прошное отступило на задний план.

Было только это утро: Маркус в красных шортах и белой майке, которая визуально делала его кожу еще смуглее; я, нарядившаяся в длинное платье бежево – розового цвета с открытой спиной. Оно было простеньким, поэтому вполне могло сойти за домашнее, хотя раньше я бы в таком и на прогулку пошла.

Стоя перед зеркалом полчаса назад, я вдруг отчетливо поняла, что мне нужно обновить гардероб. Я чувствовала себя несколько неуютно, поэтому мне нужны были хотя бы тряпки, чтобы иметь каплю уверенности в себе, чтобы не сравнивать себя каждую гребаную секунду с какой-нибудь мисс «90-60-90», побывавшей в кровати моего бывшего мужа. Короче, хотелось быть на уровне. На том уровне, к которому он привык. Поскольку сегодня у меня выходной, то я уже наметила себе, как проведу день, когда Мэтт уедет в школу, а Маркус на встречу с матерью.

– Где ты витаешь? – опалило мою щеку горячее дыхание. Я смущенно улыбнулась, пожимая неопределенно плечами, и отвернулась чтобы продолжить готовить завтрак. Маркус продолжил держать меня в своих объятиях. Чувствуя жар его тела, мне тоже стало жарко. Захотелось прижаться к нему, раствориться в его руках и не думать ни о чем, но вместо этого я произнесла строго:

– Ты мне мешаешь.

– Ничем не могу помочь, – покаялся Маркус, положив подбородок мне на плечо. Я лукаво улыбнулась, опустила руку в тарелку с мукой, а потом быстро мазнула ладонью по его щеке.

– Ах, ты хитрюга! – воскликнул он, отскочив от меня. Я же выставила грудь вперед с видом победительницы, но оказалось, ликовать было рано. Маркус стал размазывать муку по лицу на индейский манер, чертя какой-то только ему понятный, боевой рисунок из белых полос с таким видом, что не оставалось сомнений, меня ждет возмездие.

Я попятилась назад, но не успела сделать и пары шагов, как Беркет обхватил меня за талию. Я начала брыкаться и визжать.

– Марусь, не надо! – смеясь, орала я, когда он подтащил меня к тарелке с мукой.

– Эй, вы чего? – забежал на кухню Мэтт. Я испуганно замерла, не зная, что ответить, как объяснить, но мне и не пришлось. Маркус в очередной раз отправил меня в нокаут лег-

костью, с какой он преодолевал стену отчуждения с Мэттом.

– Мы играем в индейцев. Иди скорее сюда, сынок, помоги мне.

Глаза Мэтта загорелись, и он подскочил к нам. Улыбка расцвела на его губах, на щеках появились ямочки.

– Давай, разукрась-ка мамочку, чтобы знала, как вести себя.

– Немедленно прекратите! – закричала я, давась смехом, но мои мужчины были непреклонны. Мэтт подошел к тарелке с мукой и поднес ее ко мне, а Маркус стал щекотать меня. Я начала вырываться из его рук, но смех душил, и сил не хватало.

– Сынок, сыночек... не надо, мама будет ругаться! – визжала я, выгибаясь, как дикая, пока мы не упали на пол. Мой малыш загадочно мне подмигнул, а затем перевел взгляд на отца.

– Давай, сынок! – смеясь, дал добро Маркус, и тут же в лицо ему было брошено все содержимое тарелки. Задело и меня, но незначительно.

Маркус замер, ошарашенный таким сюрпризом. Мы с Мэттом заговорчески переглянулись и расхохотались, как сумасшедшие, глядя на безупречно-белое лицо. Маркус все еще переводил недоуменный взгляд с меня на сына, а потом тоже засмеялся.

– Маленький предатель! Я вам это припомню, – пообещал он, когда я вырвалась из его рук и села сверху, пригвождая

его руки к полу, а Мэтт стал щекотать его.

– Признавайте поражение, мистер Беркет! – прохрипела я сквозь смех. Он замотал головой, даваясь им. Мэтт продолжал весело кричать, посыпая нас мукой. Но видя, что отец все еще борется, наш малыш кинулся на него, помогая мне удерживать пленника, и стал щекотать еще яростнее.

– Ладно, ладно, сдаюсь! – выкрикнул он. Мы обессиленно упали на пол, держась за животы, приходя в себя после бойни. Я обняла Мэтта и поцеловала в щеку. Больше всего меня радовал факт, что сын забыл о своей обиде. Мэтт прижался ко мне и, улыбаясь лукаво, прошептал на ухо:

– Мы выиграли. Давай, заставим папу печь блинчики?

– У меня есть идея получше, а то так мы останемся без завтрака.

– Что вы там шепчитесь? – прищурился Маркус, с подозрением оглядывая нас и стряхивая с себя муку. Мы тоже были не в лучшем виде.

– Советуемся насчет вашего наказания, – ответила я с усмешкой. Маркус приподнял бровь в ожидании. Я же расплылась в довольной улыбке, обвела взглядом разгромленную кухню, уделанную в муке, и пропела сладким голосом:

– Вы должны привести все в порядок здесь, иначе завтрака вам не видать, как своих ушей.

– Вот, значит как?! Ну, ладно, без проблем, – пожал он плечами и полез в карман за телефоном. Я сразу же сориентировалась.

– Я же сказала, что это должны сделать ВЫ и никто иной!

Маркус втянул в себя воздух и тут же закашлял. Видимо, мука попала ему в нос.

Пока он боролся с приступом кашля, я отправила Мэтта приводить себя в порядок и собирать сумку в школу. Выходные подошли к концу, пора возвращаться в привычные будни. Отряхнув платье, я вновь занялась готовкой. Решив, что помоюсь перед завтраком.

– Тряпка и ведро в кладовке, – подсказала я, когда Маркус оглянулся вокруг. Нахмурившись, он подошел ко мне и недвусмысленно пообещал:

– Я тебе это припомню... Ох, как припомню!

Я усмехнулась и тоном строгой училки отчеканила:

– Непременно, а пока за работу, мистер Беркет!

Он отсалютовал мне и скрылся за дверью. Я с усмешкой покачала головой и принялась за блины. Настроение было отличным. Мне вдруг вспомнилось наше первое совместное утро.

Я тогда проснулась раньше. Все было настолько непривычным, странным, но при этом я была безгранично счастливой. Хотелось смеяться, танцевать, прыгать. Я смотрела на своего первого и на тот момент, конечно же, казалось, последнего мужчину, и понимала, что он – тот самый: любимый, необходимый, родной. Тот, кого я неосознанно, как и все, искала среди тысяч. Единственный для моего сердца.

Слезы безумной радости жгли глаза, ибо мне на пути к

родной душе, не попадалась масса тел, а повезло с первого раза. Знаете, когда находишь свою половину, того человека, который поистине твой, это чувствуется сразу. В тот момент мне было абсолютно неважно, кто он, и что мы совершенно из разных миров, в то мгновение существовало только наше измерение, в котором мы были только вдвоем. И пусть тогда он ко мне не испытывал и десятой доли моих чувств, но даже те крохи, что были в его душе, казались мне небывалой роскошью, и я благодарила за них Бога.

В то утро я быстро привела себя в порядок несмотря на то, что все тело ломило: мышцы ныли, саднило между ног. Ночью я была слишком возбуждена, поэтому не замечала боли, но утро исправило сие маленькое недоразумение.

Я кое – как дотащила свое ноющее тело до ванной и только тогда вспомнила, что душ у нас не работает, точнее – нет горячей воды. Пришлось мыться холодной и очень кстати: она не позволила мне сконцентрироваться на боли и, как следует взбодрила.

Прикусив губы, чтобы не визжать, я приняла рекордный по скорости душ и выскочила из него, забыв о всяком дискомфорте.

А после началось самое жуткое – выбор белья, которое у меня было исключительно, как потом называл его Маркус, «детским». Хлопковые трусики различных теплых оттенков с веселыми принтами: бабочками, цветочками и прочей ерундой.

Я смотрела на все это «великолепие» и приходила в ужас. Перед мысленным взором нарисовалась Лорен Мэйсон, на обложке недавнего номера Maxim, который, словно по заказу, всю неделю маячил перед моими глазами. Я натыкалась везде на этот чертов журнал, в итоге не выдержала и купила его себе.

В общезнании, словно безумная, всматривалась в сексуальную блондинку в каком-то роскошном белье, призванном даже импотента привести в боевую готовность. Я искала хоть какие-то изъяны, но, увы... На мой вкус она была агрессивно – красива, типичная стерва. Весь ее вид кричал: «сожру и не замечу», но мужчинам такие нравятся, верно?

Я злилась, ревновала, поскольку, как бы наивна ни была, знала, что таких женщин, как она, не бросают ради таких, как я. В таких, как я не влюбляются, когда рядом женщина, вроде Лорен. Но даже, если такое и случается, то это не наш случай.

Как бы мне ни хотелось, но я знала, что Маркус Беркет не любит меня. Хотя вопросы в духе «Почему он здесь, со мной? Почему бросил ее и приехал ко мне?» давали мне малюсенькую надежду. Мне хотелось верить, что у его поступков одна причина, но я боялась разочарования. К счастью, отбросив все эти мысли, я быстро вернулась к вопросу о белье, с которого, собственно, и началась моя головомойка. В этом женское проклятье – в умении раздуть из мухи слона.

Оглядев еще раз свои закрома, пришла к выводу, что мое

белье – лучшее противозачаточное средство. Увидев такую прелесть, у мужика сразу же уровень тестостерона в крови упадет до минимума. Пожалуй, это даже смешно. Но смех смехом, а, как ни крути хреново, когда в шкафу сплошь "антиВиагра". Остается только ходить голой, что я и сделала, хотя стеснялась жутко, но своего белья я стыдилась еще сильнее.

Накинув халатик на голое тело, я отправилась на кухню готовить своему мужчине завтрак. Я не была сексуальной, опытной или хотя бы смелой, поэтому даже, если мне и хотелось подняться наверх, заползти под одеяло и разбудить любимого ласками, а после продолжить познавать новый для меня мир, то я была просто не в состоянии пересилить саму себя. Слишком неловкая, стеснительная, мне было даже страшно посмотреть ему в глаза после всего, поэтому максимум, как я могла проявить свои чувства – это позаботиться о нем.

Сейчас меня охватили те же чувства, что и тогда. Слишком все странно, непривычно и неловко. К счастью, от мыслей меня отвлек звонок в дверь. Я удивилась. Никто не мог приехать ко мне домой, не имея на то специального приглашения – пропуска или без моего предупреждения охране.

Сразу после задержания Маркуса, я купила скромный дом недалеко от Лондона на охраняемой территории. Частично из-за журналистов, частично из-за страха, преследовавшего меня повсюду в течение двух лет.

Этот район был населен богатыми людьми, которые так же, как и я, любили покой и уединение. Им, как и мне, было важно держать свою личную жизнь закрытой от посторонних глаз, что за приличную плату обеспечивала охрана нашей английской «Рублевки».

Сняв фартук и отключив плиту, я подошла к двери. Твинки – наш лабродор, подаренный Маркусом Мэтту, разрывался на весь дом. Погладив заливавшегося лаем пса, открыла дверь и обалдела, увидев на пороге службу по уборке домов. Твинки выбежал во двор, люди в спецодежде бесцеремонно прошли в дом и сразу же спросили:

– Где нужно прибраться?

Я еле сдерживалась, чтобы не подняться наверх и не дать хорошенького пинка мистеру Ленивой Заднице.

– На кухне, – процедила сквозь зубы, указывая путь.

Пока я накрывала на стол, пытая от негодования, обдумывая план мести этому наглецу, профессионалы вычистили кухню до блеска. В это же время появился объект моих кровавых мыслей из разряда «как убить человека так, чтобы не запачкать только что вымытую кухню».

Я кинула на Маркуса убийственный взгляд, но он лишь дерзко улыбнулся, подмигнув мне. Весь такой из себя: черные волосы выются после душа, делая его моложе, белая футболка в контрасте со смуглой кожей кажется еще белей, темно-синие джинсы едва держатся на крепких бедрах, еще чуть-чуть и будет видна резинка с логотипом Armani или

Calvin Klein. Уж не знаю, какие трусы он надел, но очень бы хотелось узнать, однако, ремень от любимого Маркусом Gucci не оставлял шанса. На ногах, конечно же, извечные кеды. Но самое главное – выражение его лица, такое самодовольное, что хотелось включить LMFAO – «I” m sexy and I know It» в качестве музыкального сопровождения.

Что сказать? Мой бывший муж – сексуальный гад, тут уж ничего не попишешь. Руки так и чесались дать по этой наглой, красивой роже и в тоже время хотелось присосаться пиявкой к нему и целовать, целовать, целовать. Языком ласкать эти чертовы губы до нетерпеливых стонов, жадных вздохов, пока голова не начнет кружиться, а тело – пульсировать от бешеного желания.

Мне безумно хотелось выгнать всех к чертовой матери из этого дома, а после... Он во мне и нон-стоп. Внизу живота сладко оборвалось, стало жарко и, конечно же, влажно.

Впрочем, ничего удивительного. Мистер Влажные Трусики снова на коне, пора привыкать. Я хихикнула, Маркус покосился на меня, отдавая деньги за уборку. Я же просто не могла сдержаться и начала смеяться в голос.

– Над чем ржешь? – поинтересовался он, проводив клининговую службу.

– Ржут только лошади, мистер Мокрые Трусики, – парировала я, подмигнув.

– Вот как? – поняв намек, усмехнулся Маркус. И хищно прищурившись, не спеша подошел ко мне. Я тяжело сглотну-

ла под его внимательным взглядом. Пальцы до боли вцепились в тарелку с блинами, я задрожала, почувствовав терпкий аромат сильного, уверенного в себе мужчины. Его, присущая только ему аура, от которой подгибались колени, окутывала меня, принимала в свои соблазнительные объятия. Я закрыла глаза, вдыхая полной грудью этот родной запах: мяты, цитрусов, чего-то древесного. Всего лишь запах, а сколько с ним ассоциаций... Чувственных, захватывающих, волнующих.

Когда я открыла глаза, Маркус продолжал стоять напротив и просто смотреть на меня. Мне так хотелось, чтобы он прикоснулся ко мне, но он оставался неподвижен.

– Эни, Эни... – поцокал с улыбкой. – Какая же ты непостоянная. Еще час назад устроила скандал из-за того, что я не мог остановиться, а сейчас хочешь, чтобы я занялся с тобой любовью прямо на кухне.

– Хотеть, не значить позволить, – протянула я соблазнительно.

– М-м неужели?! – усмехнулся он, а затем прошептал у самого уха. – Когда мы останемся одни, ты будешь примерной девочкой и позволишь.

– Ошибаешься. После того, как ты грязно...

– О, да! «Грязно» – мне нравится, – перебил он и потянулся к блинам, я стукнула его по руке.

– А вот на это, тем более, не надейся. Мы, кажется, договорились, что ты останешься голодным, если не уберешь за

собой.

Маркус закатил глаза, как бы спрашивая: «Ты сейчас серьезно?»

– Мы? Я на это не подписывался, любимая, – открестился он, и началась игра: Маркус тянулся к чашке, а я всячески извивалась, не позволяя ему добраться до нее. Но вскоре он прижал меня одной рукой к столу, а другой – ухватился за блин и потряс им у меня перед лицом, а после с наглой улыбкой откусил.

– Хочешь? – насмешничая, вновь подразнил он, поднося оставшуюся половинку к моим губам. Ну, а я не стала морозиться, да цапнула.

Боже, какое же у него было лицо, когда я вцепилась зубами в его пальцы, измазанные в масле. Маркус дернулся назад, отчего мои зубы еще сильнее впились в кожу. Я давилась блином, но удерживала скользкие пальцы.

– Эни, черт, больно же!

Я кивнула и оскалилась, выставляя напоказ зубки, крепко удерживающие свою добычу.

– Будь хорошей девочкой, – попросил он, погладив меня по щеке.

Ага, жди, красавчик. Я научу тебя хорошим манерам.

Но, к сожалению, моим планам не суждено было осуществиться, зашел Мэтт, и мне пришлось вести себя прилично.

– Ты наглый врун! – прошипела я, прожевав блин.

– А ты что, только узнала? – невозмутимо парировал Мар-

кус, сядя за стол напротив Мэтта. Я лишь покачала головой и налила сыну чай. Мои мужчины принялись за еду, начав обсуждать какой-то матч, я же налила себе кофе и направилась на второй этаж, чтобы принять душ.

– Ты не собираешься завтракать? – раздался мне в след вопрос.

– Нет, я уже съела блин, – ответила я, обернувшись. Маркус приподнял недоуменно бровь. Мэтт же переключил свое внимание с отца на планшет. Когда я увидела, как он жирными пальцами скользит по дисплею, меня затрясло от злости.

Я тысячу раз говорила этому засранцу, не зависать в интернете, когда он ест, и просто беречь вещи. Пусть у папочки денег куры не клюют, но это не значит, что все можно.

– Матвей, немедленно убери планшет со стола, пока я не выкинула его к чертям собачим! – процедила я сквозь зубы, едва сдерживаясь, чтобы не повысить голос. Мэтт скорчил рожицу и нехотя, отложил айпад. Маркус нахмурился и потрепал сына по голове, что меня добило.

– Только не надо поощрять свинство! – все же повысила я голос.

– Мне казалось, ты собиралась куда-то идти? – последовал недвусмысленный намек на то, чтобы я проваливала отсюда. Я перевела взгляд на сына, который теперь сидел с легкой улыбкой, почувствовав негласную поддержку в лице отца. Злость дошла до критической отметки, и я вспыхнула.

– Знаешь, что....

– Знаю! – оборвал Маркус. – Тебе нужно поесть и, тогда не будет желания содрать с кого-нибудь шкуру живьем.

– А можно я как-нибудь без тебя разберусь?! – огрызнулась я, не замечая, что небольшое замечание перерастает в скандал.

– Разберешься? Ты и во время ужина ничего не съела, я ничего не сказал вчера, потому что думал, что ты просто не хочешь. Теперь же вижу, что у тебя в голове какая-то дурь!

– К твоему сведению, мне уже почти тридцать, и я стараюсь следить за своим питанием.

– А причем тут твой возраст? – недоуменно спросил он, отставляя стакан. Скрестив руки на груди, он откинулся на стуле, буравя меня тяжелым взглядом. Мэтт склонил голову, как можно ниже, стараясь быть незаметным, но я была слишком заведена, чтобы обратить на это внимание.

– Притом, что есть такая штука – целлюлит называется, может слышал? – сыронизировала я, Маркус ошарашено замер, а после расхохотался, вызывая у меня неловкость и смущение. На глаза тут же навернулись злые слезы.

Знаю, он прав, но это слишком стыдно признавать, что после всех его походов у меня развился комплекс, особенно, когда он заявил.

– Ты и так, как доска, какой, на хрен, целлюлит?!

Сказать, что меня это задело – не сказать ничего. Я вспыхнула, как спичка и уже не соображая ничего, выплюнула:

– О, ну естественно, я для тебя «доска»! Судя по послед-

ней твоей пассивности, тебе больше по вкусу кобылы, компенсирующее размером сисек, отсутствие мозгов.

Маркус побледнел, сглотнул тяжело и кинул взгляд на Мэтта, который теперь смотрел на меня выпученными глазами. Я же, поняв, что сказала, не нашлась со словами. Поэтому резко отвернулась и побежала вверх, слыша, как Маркус неловко объясняет сыну:

– Сынок... эм... мама, кажется, сегодня не с той ноги встала, не обращай внимание.

Господи, как я могла высказать все это при сыне?! Он ведь уже не маленький, все понимает.

Поднявшись в спальню, я начала мерить ее шагами, костеря себя на чем свет, пока дверь не открылась, и на пороге не появился взбешенный Маркус.

– Ты совсем сдурела? – процедил он, закрывая за собой дверь. Я же задрожала от ужаса, меня заколотило и, я попятилась от него, прожигая обезумевшим от страха взглядом дверь. Он же, не замечая этого, продолжал. – Ты можешь высказывать мне хоть тысячу раз все свои претензии, но не смей делать этого при сыне!

– А что такое? – сама не ожидая от себя, вскричала я. – Боишься, что сын узнает, какой его папаша козел? Так он узнает, как бы ты ни старался казаться хорошеньким.

Маркус замер, остановился в метре от меня, устало вздохнул. Оглянувшись вокруг, усмехнулся горько и затем вновь посмотрел на меня и тихо ответил:

– Думаешь, я не понимаю этого? Думаешь, все эти грёбаные, четыре года я сидел и видел в небе розовых пони? Считаешь, только тебе тяжело? Ни хрена! Мне тоже, Анна, ибо я должен искать в себе смелость, чтобы просыпаться и встречаться с твоим взглядом, полным осуждения, обиды, а далеко не прощения! Легче сбежать, спрятаться от последствий своих грехов и ошибок, чем сталкиваться с ними каждый день лицом к лицу. Я помню все, Анна, каждое слово, которое сказал тебе, каждый... – он тяжело сглотнул, опустил глаза в пол и продолжил, – удар, который нанес, каждую измену, предательство и унижение. Тебе не нужно напоминать мне о них. Они в моей памяти навечно и, это мое проклятье – каждый день прокручивать в своей голове твои слезы, твои просьбы. Рвет изнутри, Эни, знание, что я сам – вот этими руками, – превратил жизнь, как свою, так и любимых людей в ад. Знать, что стал для любимой женщины жалким подобием мужчины, для сына – конкурентом за внимание матери, для матери – ошибкой воспитания, а для всего мира жертвой ситуации. Я не жалею, но меня достаточно наказала жизнь за тебя, поэтому не трать своих сил, пытаюсь задеть меня еще сильнее, я приму это, как должное.

Я не знала, что ответить на это признание. Пожалуй, я была не лучше его, а может, просто он сделал меня жестокой, но сожаления, как такового, я не чувствовала, как и чувства удовлетворения. Просто было горько.

– Извини, что затронула эту тему при сыне. Нервы ни к

черту, – только и смогла я сказать, но Маркус казалось, ждал чего-то еще. Ну, что ж, коли хочется, то получите и распишитесь. – Однако, я не буду извиняться за то, что сказала. Все это чистая правда.

– Хочешь моей крови? – усмехнулся Беркет.

– Нет, просто ты слишком много боли причинил мне. Так много, что в себе держать не получается, как ни стараюсь.

– Тогда зачем все это? Не проще ли найти другого мужчину и жить спокойно? – спросил он бесцветным голосом, а я, горько усмехнувшись, призналась:

– Ты испортил для меня любого мужчину, само слово испоганил для меня. Знаешь, какие у меня ассоциации? Когда слышу «сильный», сразу прикидываю его удар, «красивый» – подсчитываю его любовниц, «богатый» – сразу ставлю крест.

– Прости меня! – прошептал он. Я покачала головой и также шепотом произнесла:

– Избавь меня от страха. Сделай так, чтобы я поверила, что мужчина – это не опасное чудовище, а напротив, тот, с кем я буду в безопасности, тот, кто является гребаным защитником!

Вновь внимательный взгляд, а затем Маркус, молча, вышел, не оборачиваясь. Через несколько минут я услышала звук захлопнувшейся парадной двери, после был рев мотора и звук отъезжающего автомобиля. Он ушел, просто ушел, и я, как ни странно, боялась, что навсегда.

Глава 4. Неосторожность

После отъезда Маркуса, я сидела на полу, уткнувшись взглядом в одну точку на противоположной стене, не в силах пошевелиться. Такая усталость накатила. Да что там?! Осточертело все. Хотелось собрать вещи и уехать из этого дурдома, убежать от необходимости что-то делать, принимать решения, держать оборону, а главное – от дурных мыслей, разрывающих мозг.

Я все время спрашивала себя, что я за человек и почему нельзя не заморачиваться? Но все равно сидела и думала, куда направился мой бывший муж. Как мазохистка, я изводила себя самыми гадкими предположениями, хотя знала практически наверняка, что Маркус поехал на встречу с Мегги и сестрами. Увы, мое больное воображение невозможно было остановить.

Целый час я выносила себе мозг, пока неприятное чувство, охватившее меня, не начало зашкаливать. Вскочив на ноги, я решила занять себя хоть чем-то, чтобы отвлечься. Только вот в голову ничего путного не лезло. В который раз за это утро я пожалела, что у меня выходной. Слишком много впечатлений за одно утро, учитывая, что последние четыре года жизнь была похожа на мирное, спокойное течение реки, по которому я безмятежно плыла. Конечно, конец этого безоблачного существования с возвращением Маркуса был

заранее известен, но все же я не ожидала, что он наступит так резко.

Теперь в душе такой разлад... Диссонанс доводов разума, желаний сердца, визга самолюбия, криков гордости и внешнего давления. Если бы помогло, я бы, наверное, сдавила голову ладонями, чтобы хоть на секунду унять эту какофонию. Носясь по комнате из угла в угол, я напоминала сумасшедшую, но в конечном счете, поняв бесполезность попыток разобраться в себе и происходящем, решила проветриться. Поэтому позвонила своему мастеру по маникюру и договорилась о встрече. Подобные вылазки – лучшая терапия, проверено.

Приняв душ, я собиралась тщательнее обычного: сделала макияж, надела лучший черный комплект нижнего белья, чулки в тон, кожаные шорты, серый топ, сапожки-казачки. Последним штрихом стали духи. Только вот открыв шкаф и посмотрев на ряд причудливых флаконов от известных брендов, так и не смогла определиться. Все было не тем, каким-то обезличенным, в миг ставшим не моим.

На автомате рука потянулась к простенькому флакончику в самом углу, который я всегда старалась избегать, но и выбросить его почему-то духу все время не хватало. Казалось, словно часть себя оторвать. Не знаю, как у других, но у моих духов есть такая странная особенность – они содержат в себе воспоминания.

Взяв в руки стеклянный флакон цилиндрической формы,

я несколько долгих минут задумчиво наблюдала, как бледно-желтая жидкость растекается по стенкам, и только потом осторожно открыла крышечку. Буквально сразу же что-то оборвалось в груди, как только на рецепторы осел мягкий, нежный запах. Аромат жасмина заполнил легкие и пронесся перед мысленным взором калейдоскопом картинок: Москва, общежитие, черная Ауди, ВДНХ, кофейня на Тверской, я беззаботная и по уши влюбленная и, конечно же, он... везде он. Загадочный, сдержанный, но такой нежный. Боже, каким он был невероятным! Не влюбиться было просто невозможно.

Что с нами стало? Что мы сделали друг с другом? – вопросы любого брака, но чаще всего они возникают спустя много лет, у нас же перемены оказались слишком уродливы, чтобы их не заметить.

Глаза защипало, я быстро сморгнула появившиеся слезы и усилием воли вернула себя в настоящее, но от этого стало еще хуже. Волна разочарования, безвозвратной потери и какой-то обреченности накатила, заполнила душу. И хотелось бы выплакать это все, да только знаю, слезы не помогут. Того, что было уже не вернешь и не изменишь, как бы ни хотелось. А я хотела. Безумно, всем своим нутром. Если бы вернуть время вспять...

Но какой толк от сослагательных наклонений? Надо жить настоящим, так вроде советуют. Четыре года же получалось следовать этому совету. Значит и сейчас получится.

С этой мыслью я старательно нанесла духи за уши и на запястья, втянула, как можно глубже воздух и вышла из дома. Чувствовала я себя уверенно и это радовало, как и погода. Настроение резко взлетело вверх не ясно, по какой причине. Скорее всего, эти истерические вспышки – предвестники депрессии, но почему бы не воспользоваться моментом?

Собственно, этим я и занялась. Мне хотелось выплеснуть внезапно-появившуюся энергию, и когда я увидела в гараже красное Ferrari, поняла, как это сделаю.

Весь автопарк Маркуса был давно продан, но эта машина мне нравилась, поэтому я оставила ее себе и иногда, как сейчас, позволяла себе щекотать нервишки

Кинув сумку на соседнее сидение, я села за руль и с довольной улыбкой завела машину.

– Привет, крошка. Прокатимся? – газуя на месте, усмехнулась я, услышав рев мощного мотора – Ну, вперед! – с этими словами я вдавила педаль газа в пол, и машина с визгом сорвалась с места.

Сердце оборвалось от сумасшедшей скорости, в кровь поступила убойная доза адреналина, и я захохотала от восторга, перехватывающего дыхание. В голове проскочила мысль: «может, ну его, этот маникюр, мне и так хорошо», – но она тут же исчезла, стоило мне подъехать к контрольно-пропускному пункту.

Я снизила скорость, о чем сразу пожалела. На меня обрушились вспышки фотокамер, машину окружили набежав-

шие со всех сторон журналисты. Они начали долбить по стеклам, орать во весь голос, спрашивая что-то. Глаза и слух резало, паника овладела мной, но вместе, когда один из стерьятников со всей силы ударил в лобовое стекло, меня затопил гнев. Я угрожающее посигналила и слегка надавила на газ, но этих ополоумевших людей мои действия нисколько не напугали.

– Проваливайте, придурки, пошли к черту! – заорала я в отчаянии и снова вдавила педаль газа в пол, уже не заботясь о том, что кого-то задавлю. Эти обезумевшие в поисках сенсации людишки напугали меня до смерти.

Как только я вырвалась, облегченно вздохнула. Вслед слышались проклятья, но мне было все равно. Я еще сильнее надавила на газ и сконцентрировалась на дороге. Руки тряслись, пот струился по спине. Наверное, я никогда не привыкну к подобному вниманию. Даже не представляю, как это может кому-то нравиться, а ведь есть такие.

Интересно, что журналистам нужно от меня. Ну, ладно Маркус, но я – то им зачем?

Ответы на эти вопросы я узнала, как ни странно, из разговора со своим мастером. Мы с ней знакомы уже семь лет. Подругами, конечно, не стали, но поговорить нам было о чем. Главный плюс Линды – ненавязчивость. Она никогда не лезла в душу, пока человек сам не решит высказаться. Использовать Линду, как жилетку у меня желания не возникало, потому что сплетни о богатых и знаменитых клиентах, которы-

ми она часто развлекала, были довольно показательны. Сегодня и вовсе настроение было не разговорное. Я в пол уха слушала щебет Линды, колдующей над моими ногтями, пока разговор не зашел обо мне.

– Ой, а вчера я тебя видела по новостям и в который раз восхитилась! – воскликнула она, на секунду отвлекаясь от работы. Я недоуменно приподняла бровь, ожидая пояснений, которые последовали незамедлительно. – Такая выдержка, смелость, невозмутимость... Да я не знаю, как это назвать! Я бы на такое не решилась даже ради сына. Поехать встречать человека, убившего моего мужа и так издевавшегося надо мной, а ты...

Меня парализовало от этих слов, мурашки побежали по коже, но Линда, не замечая моего напряжения, продолжала распинаться, приводя меня в смятение.

– Не представляю, как ты вынесла с ним ночь под одной крышей?! Многих это просто поразило. Теперь по всем каналам только и мусолят твоё поведение. Мама моя вообще выдала предположение, что ты собираешься с ним жить. Прости, что травлю душу, просто я так возмущена была этим. Мы с мамой даже поругались. Я ей сказала, что не первый год тебя знаю, и ты – не дура, чтобы дважды на такие острые грабли наступать! Но шуму ты, конечно, наделала немало. Или в том и суть? – подмигнула она мне лукаво и одобчительно добавила. – И правильно! С паршивой овцы хоть шерсти клок. Черный пиар – тоже пиар.

У меня в горле пересохло, стало так не по себе, словно я сделала что-то отвратительное, постыдное. В голове на репите крутились слова: «ты – не дура, чтобы дважды на такие острые грабли наступать!». Я задыхалась от унижения и злости. Хотелось провалиться сквозь землю. В эту минуту существовало лишь общественное мнение, а четырехлетний путь к прощению, взаимопониманию, близости и родству исчез, как будто его и не было. Все стало казаться нереальным и неправильным. Я почувствовала себя действительно душой: без гордости, самоуважения и собственного достоинства.

Раньше я не задумывалась, как отреагирует общество на мое решение, и теперь оказалась совершенно не готова столкнуться с таким яростным осуждением. Я растерялась, особенно, когда Линда спросила:

– Анна, я ведь права? Прости, что лезу, но мать меня просто изведет.

Краска прилила к моему лицу, я отвела взгляд и торопливо ответила:

– Конечно. Просто я... Ну, не могла же я отпустить сына одного, а ему очень хотелось встретить отца. Вот так...

Ложь встревала острым комком в горле, а на душе с каждым словом становилось паршивей некуда. Перед мысленным взором пронесли утренние забавы, прошедшая ночь, вчерашний день. Маркус в тюремной робе, такой худой, измученный, но с такой надеждой во взгляде, что отчаянно захотелось откусить свой поганый язык или признаться, что да:

я – чертова идиотка! И что я поехала его встречать лишь потому, что люблю и всегда любила! Но было слишком поздно. Линда уже рассказывала о своем любовнике, а мне ничего не оставалось, кроме как ненавидеть себя за лицемерие и слабость.

Что поделать? Я привыкла быть хорошей в глазах общества. Однако, это еще цветочки. Чье мнение меня по-настоящему волновало, так это – бабушки. Если мое поведение обсуждают на всех каналах, то она уже наверняка в курсе новостей. За ними бабуля всегда пристально следила, так что, вероятно, скоро меня ждет допрос с пристрастием. Зная отношение бабушки к Маркусу, ничего хорошего меня ждет.

Необходимо подготовиться, но я просто не представляю, как сообщу ей о своем решении сойтись с Беркетом. Оно ее шокирует, ужаснет, приведет в ярость. Бабушка всем своим сердцем и душой ненавидела Маркуса. Кляла его на чем свет, стоило только заикнуться о нем. В эти мгновения глаза бабушки горели каким-то безумным огнем, и окажись Маркус рядом, она бы без сожалений разорвала его голыми руками.

После парочки таких вспышек ярости, выплеснутой в самых цветастых выражениях, я все время откладывала разговор о истинном положении вещей на потом. «Потом» наступило, но я так и не придумала, что сказать и страшно даже пытаться. И все же я должна позвонить бабушке, поговорить.

Решившись, это сделать, усидеть на одном месте, конечно же, не представлялось возможным. Волнение изводило меня

так, что я сгорала от нетерпения. Когда Линда закончила, я разве что в ладоши не хлопала. Даже не взглядываясь, поблагодарила за прекрасную работу и побежала к машине, желая, как можно скорее оказаться дома и обдумать предстоящий разговор. Намеченный шопинг был отложен до лучших времен. Меня разрывало на части, подташнивало от страха и нехорошего предчувствия.

Я летела домой на бешеной скорости, правда, она уже не вызывала никаких эмоций, переживания завладели мной настолько, что я не заметила, как пролетела мимо журналистов. Припарковавшись, постаралась успокоиться, но не получилось, напротив, нервозность достигла критической точки. Надо было обдумать, что сказать. У бабушки слабое сердце, ее нельзя тревожить, но я не представляла, как ее подготовить к таким новостям.

Маркуса еще не было, чему я была рада. Не хотелось, чтобы он лез в это дело и вообще лез сейчас ко мне, я была слишком взвинченной.

Не успела я войти в дом, как Твинки бросился ко мне и, конечно же, зацепил когтями чулки.

– Черт, Твинки! – взорвалась я, отпихнув от себя пса.

Стрелка поползла по ноге, что окончательно вывело из себя. Хотелось заорать на весь дом, пока не оглохну, чтобы хоть чуть-чуть выпустить пар, но я решила пойти более цивилизованным путем: прошла в столовую, достала бутылку вина и налила полный бокал, который залпом выпила, не

различая вкуса. Как известно, алкоголь на голодный желудок действует безотказно, поэтому после второго бокала я поплыла, и словно по заказу зазвонил телефон.

– Алло! – рявкнула я, не слишком заботясь о вежливости, но голос, раздавшийся в ответ, будто ушат холодной воды, сбил с меня всю спесь. Я окаменела.

– Нюра, ты меня напугала! – воскликнула бабушка. Как ни смешно, но это было взаимно. Мысли лихорадочно закружились, голова после выпитого сделалась свинцовой, и я просто не знала, как себя вести и что говорить.

– Нюра, детка, что ты молчишь? У тебя все в порядке?

– Все в порядке, – вяло ответила я, без сил опускаясь на стул, зная, что разговор предстоит долгий.

– Нюра, ты не говорила, что вы с Матвейкой собираетесь встречать этого уголовника.

– Баб, он – отец моего ребенка, пожалуйста, давай без оскорблений! – пресекла я дальнейший поток нелицеприятных эпитетов в адрес Маркуса, хотя аргумент «отец моего ребенка» был не главным, просто мне неприятно слышать такое о нем от других людей.

– Какой он отец, Нюра? Изверг самый натуральный! Ты забыла, как он над Матюшкой издевался? Про тебя я вообще молчу. Ну, какой нормальный папаша ребенка сиротой сделает, это при живой-то, хорошей во всех смыслах матери?! У меня в голове этот кошмар не укладывается, а ты – добренькая душа...

Эта тирада больно ударила по сердцу, вскрыла шрамы, которые стали потихоньку зарубцовываться. Мне нечего было возразить, все это – абсолютная правда, и хотя мне отчаянно хотелось вступить за Маркуса, я не смела. А бабушка меж тем продолжала:

– Я сегодня новости увидела, и у меня волосы дыбом. Что происходит вообще?

Я прикусила губу, ладони вспотели. Что ответить? Не ого-рошишь же по телефону, бабушка этого не поймет. Нужно как-то постепенно ее подготавливать. Но как постепенно, если уже все случилось?!

Боже, ну, почему я не сделала этого раньше?! Теперь ничего не остается, кроме вранья, иначе бабушке станет плохо. Я не могу рисковать ее здоровьем.

– Бабуль, ты не переживай. Просто Мэтт захотел встретить отца, и я решила, что ничего дурного в этом нет. Им ведь нужно время, чтобы привыкнуть друг к другу, чтобы немного пообщаться, поэтому я пригласила Маркуса к нам...

– Ты что, сдурела совсем?! – вскричала бабушка, я поморщилась и попыталась объяснить:

– Бабуль, не горячись! Я просто должна...

– Ничего ты этой скотине не должна! Что там происходит у тебя, Нюра? Он угрожает, давит на тебя? Вот сволочь, ирод проклятый! Господи, да когда же он тебя в покое оставит?!

– Баб, не надо.

– Чего не надо – то? Не права я что ли? А ты почему при-

вечаешь его там, я не пойму? Заявление немедленно пиши и дело с концом, его сразу отправят туда, где ему и место, выродку!

Столько злости было в ее голосе, ненависти. С каждым словом моя надежда на понимание угасала вместе с решительностью. Язык, словно примерз, и я не могла ни слова из себя выдать.

– Бабуль, ну, какое заявление, о чем ты говоришь?! – натянуто улыбнулась я, стараясь не выдать своих истинных чувств. – Все хорошо... Он имеет право на общение с сыном.

– Право? – засмеялась бабушка иронично. – Аня, ты что, не понимаешь? Он же теперь тебя в покое не оставит. Будет через сына в твою жизнь лезть. Такие скоты, они, как собаки на сене. Нюрка, я тебя не понимаю! Где твое благоразумие? Что ты творишь? Ты посоветовалась с психологом, с адвокатом, чтобы вот так взять и с бухты-барахты сына тащить на встречу с убийцей, зэчарой....

– Хватит! – грубо оборвала я. Пусть бабушка не знала правды, но я-то ее знала и сейчас, как никогда, чувствовала свою вину. Из-за меня теперь на Маркусе всегда будет стоять клеймо убийцы и уголовника. Я не могла рассказать бабушке, что, если бы, не этот «ирод», я бы сейчас гнила в колонии строго режима.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.